

Константин Леонтьев

Национальная политика как орудие всемирной революции

Константин Николаевич Леонтьев

Национальная политика как орудие всемирной революции

«...мысль моя о разрушительно-космополитическом значении тех движений XIX века, которые зовутся «национальными», мне самому давно уже казалась столь поразительною, что я в известном вам сборнике моем («Восток, Россия и Славянство») не счел и нужным даже подробно ее развивать. Я полагал, что и так она всем будет понятна, – стоит только *указать* на нее. Однако в этом я ошибся, как видно. Оказывается, что нужно больше фактов, больше примеров...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0026
III (окончание).....	.0035
IV.....	.0044
V.....	.0053
VI.....	.0062
VII.....	.0070
VIII.....	.0082
IX.....	.0094

**Константин Леонтьев
Национальная политика
как орудие всемирной
революции{1}**

Письма к о<тцу> И. Фуделю

Qui bene distmguit bene medetur{2}

Все то, о чем я здесь буду писать, самому мне давно уже ясно. И ясность эта, прибавлю, до того печальна, что я счел бы за счастье ошибиться. Я праздновал бы великий праздник радости, если бы сама жизнь или чьи бы то ни было убедительные доводы доказали бы мне, что я заблуждаюсь. Боюсь, однако, что я останусь правым... Боюсь, как бы история не оправдала меня... Я говорю, что эта мысль моя о разрушительно-космополитическом значении тех движений XIX века, которые зовутся «национальными», мне самому давно уже казалась столь поразительною, что я в известном вам сборнике моем («Восток, Россия и Славянство») не счел и нужным даже подробно ее развивать. Я полагал, что и так она всем будет понятна, – стоит только *указать* на нее. Однако в этом я ошибся, как видно. Оказывается, что нужно больше фактов, больше примеров.

Я понял это из вашего ко мне последнего письма. Вы пишете мне так:

«... Необходимо прежде устранить некото-

рые задерживающие мою мысль препятствия. Так, например, на стр. 106-й I т. вашей книги встречаемся с такою мыслью: «Идея национальностей в том виде, в каком ее ввел в политику Наполеон III, в ее нынешнем модном виде, есть не что иное, как тот же *либеральный демократизм*, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада». Вы очень часто высказываете эту же мысль, но опять-таки везде так же сжато и *кратко*. И эта мысль мне очень симпатична. Я чувствую, что она истинна, но только чувствую это, а не понимаю логически, ибо вы не даете никакого ключа к уяснению ее. Очень часто я обдумываю эту мысль, придумывал несколько гипотез в объяснение ее, но задачи все-таки не решил и поэтому обращаюсь к вам с просьбой о помощи. Почему именно можно сопоставить вместе идею национализма и либеральный демократизм, когда по-видимому они так противоположны: демократический процесс равняет все разнородное, упрощает его, а национализм обособляет разнородное, разъединяет разные народности. По-видимому это так, но я чувствую,

что в сущности тут одно стремление к смешению и слиянию. Почему же?»

Я хотел было ответить кратко на эти ваши вопросы, но это оказалось невозможным. Я не мог удержаться. Обилие фактов, подтверждающих мою грустную мысль, до того велико, что одни только они, эти факты (как вы увидите), почти без рассуждений потребовали не письма, а целой статьи.

Вы хорошо сделали, однако, что предложили мне все эти вопросы. Без вашего письма едва ли бы мне пришло когда-нибудь на ум взяться за этот труд. Я благодарен вам за этот неожиданный толчок. В мои года писать прямо и преднамеренно для печати – какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если *не ощущать* ежедневно своего влияния?

Когда *есть охота*, когда *пишется* – прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о том-то и том-то – и это хорошо! Может быть, даже это и лучше.

Не говорите мне о «долге» или «пользе» общей! Для этого опытному человеку нужна та *иллюзия*, которую может дать только боль-

шой, невольной возбуждающий нас успех... Не говорите также по этому поводу и о христианстве. *Долга своевольной* индивидуальной проповеди христианство не признает. Церковь от верующего *такого* долга не требует: она, вы знаете, требует совсем иного, скорее противоположного. Не надо писателю-христианину воображать себя слишком полезным даже и тогда, когда его труды ни прямо, ни косвенно не противоречат церковному учению.

Значит – строгой религиозной *обязанности* писать политические статьи, даже и крайне консервативного духа, не существует... Простительно, положим, было бы увлечение; но для подобного увлечения нужна, повторяю, та иллюзия, которую может дать только огромная популярность. Подобной иллюзии у меня нет, вы это знаете. Ее и быть не может. Зачем же мне принуждать себя к писанию? Зачем твердить все то же? В России, которую мы с вами оба так любим, *в общем* дела теперь идут довольно хорошо. Признаков утешительных, обещающих все большую и большую независимость духа нашего от ли-

берального (т. е. революционного) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажет будущее, которого мне уже *не увидеть!* Значит, если Богу угодно, обойдутся отлично и без нас. Если же Богу *не угодно*, чтобы все эти добрые (антилиберальные) начинания наши принесли в этом будущем богатые и прочные плоды, то что же мы-то с вами можем противу этого сделать, – особенно я, на краю могилы? Итак, в случаях подобных этому, у меня нет ни свыше предписанного долга, ни иллюзии.

Остается охота или неохота и – больше ничего! Не грех, конечно, писать о чем-нибудь в известном духе, не противном учению Церкви; но еще менее грех – молчать, когда никто не обращается к вам настоятельно с просьбой вразумления.

Было время – лет десять, пятнадцать тому назад, – я еще мечтал своими статьями сделать какую-то «пользу»... Я верил тогда еще наивно, что я *кому следует* «открою глаза»... Вспомните мои *пророчества* о болгарях и сербах. Я постоянно оправдан позднейшими событиями, но не своевременной людскою до-

гадкой.

Теперь я разучился воображать себя очень нужным и полезным; я имею достаточно оснований, чтобы считать свою литературную деятельность, если не совсем уже бесплодной, то, во всяком случае, *преждевременной* и потому не могущею влиять непосредственно на течение дел.

«Провидению не угодно, чтобы *предвидения* уединенного (одинокого?) мыслителя расстраивали бы ход истории посредством *преждевременного* действия на слишком многие умы».

Вот почему, не обратись вы ко мне с вопросами, не пришло бы мне и в голову вернуться еще раз к этому, как мне казалось, уже исчерпанному мною вопросу о *непонятом значении и вредных плодах той племенной политики, которую обыкновенно называют национальной*.

Для вас же собственно, для людей молодых и начинающих жить, я готов писать с удовольствием. Я стал писать охотно, письмо разрослось в целый ряд писем... И вот – я решился напечатать их.

Быть может, вам, юношам, удастся то, что мне не выпало на долю, – удастся заставить себя не только внимательно слушать, но и отчетливо понимать.

Дай Бог! И для вас, пока еще немногих, но искренних и надежных молодых людей, я буду с радостью распространяться о том, о чем много и рассуждать бы, по-настоящему, не следовало, – до того все это ясно по фактам, по практическим результатам современной истории.

Ясно вот что:

«Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации».

У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один – космополитический.

Почему это так, не берусь еще сообразить...

Этот вопрос: почему? – вернее всего должен быть обращен к особой, не существующей

щей, кажется, еще в отдельности науке, которую можно бы назвать *социальной психологией*. Я за подобное психологическое объяснение не берусь; я хочу здесь просто напомнить только в общих чертах, как все это происходило и происходит еще в наши дни.

Как это люди ищут одного, а находят постоянно совсем другое? Я намереваюсь начертить краткую политическую историю этого великого и почти всеобщего самообмана, но не берусь объяснять те внутренние душевные процессы (у главных ли политических деятелей нашего века или у целых тысяч и миллионов, ими руководимых) – процессы, которые могли бы дать ключ к уразумению этой не только странной, но даже страшной истории.

Для меня самого это остается самой таинственной психологической загадкой, которую разрешат только время и упорная, свежая мысль.

Политические *результаты видны*. Течение *событий ясно*, хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны...*

Первое по времени движение национального характера в XIX веке было греческое восстание 21 года. Правда, что сербы нынешнего княжества еще раньше греков восстали против султана, но и освобождение их было вначале весьма неполное, – и по шуму, и влиянию своему в Европе это движение было несравненно ничтожнее и бесследнее.

Я не стану говорить ни слова о долгой и героической борьбе православных и полудиких в то время эллинов, – я полагаю все это достаточно известным.

Борьба была жестокая и неравная; она потребовала вооруженного вмешательства держав и завершилась Наварринской победой Европы над Азией, Забалканским походом Дибича и Адрианопольским миром в 29 году. Маленькая, *весьма оригинальная* тогда Эллада достигла ближайшей *национальной* цели своей. Не будучи еще в то время в силах объединить *все свое племя*[1] и освободить его из-под власти турок и англичан (на Ионических островах), эллины удовольствовались

пока небольшим свободно-национальным государством в один какой-нибудь миллион. Но что же вышло? Большинство эллинофилов того времени ждали от этих возрожденных эллинов чего-то особенного в бытовом и духовном отношении. *Ждали и – ошиблись.*

Творчества не оказалось; новые эллины в сфере высших интересов ничего, кроме благоговейного подражания *прогрессивно-демократической Европе*, не сумели придумать. Как только удалились *привилегированные* турки, которые изображали собой нечто вроде чуждой аристократии в среде греков, кроме полнейшей *плутократической* и *грамматократической эгалитарности*, ничего не нашлось. Когда нет в народе *своих привилегированных*, более или менее неподвижных сословий, то богатейшие и ученейшие из граждан, конечно, должны брать верх над другими. В строе эгалитарно-либеральном неизбежно развиваются поэтому весьма подвижные и не имеющие преданий и наследственности *плутократия* и *грамматократия*{3}. Новая Греция не могла тогда вынести Царя своей крови, – до того вожди ее, герои *национальной* свобо-

ды, страдали *демагогическою* завистью! Она, эта новая Греция, не вынесла даже власти *президента* родной греческой крови, графа Каподистрия, и его скоро убили.

На чем же она, эта Греция, надолго (и доселе) примирилась? На королях *европейского* и *иноверного* происхождения, во-первых, а во-вторых, на – *конституции* более *либеральной*, чем самые *либеральные* из *западных*. Греция оказалась даже *неспособной* иметь две *палаты*; пробовали учредить какой-то более охранительный *сенат* — не удалось! Все *наиболее либеральные* государства Запада (в том числе и Соединенные Штаты Америки) выносят две палаты. Греки (а кстати сказать, и сербы, и болгары) не могли к этой более *консервативной* форме привыкнуть. Итак, если в главных чертах своих учреждений греки (а также и югославы) разнятся чем-нибудь от Европы, то разве тем, что, *не имея великих охранительных преданий* (католических, национально-аристократических, не имея легитимистов, ториев, прусского юнкерства, польской и мадьярской магнатории и т. п. {4}), они еще легче европейцев делают во всем лишней

шаг – на пути того же *сословного всесмешения*, которое разъедает Запад со времени провозглашения «прав человека» в 89-м году.

Вообще оттенки в *учреждениях*, отличающие новую Грецию от Запада, очень ничтожны и *нехарактерны*.

Посмотрим теперь, как отозвалась в Греции национальная свобода на быте и религии. Быт, положим, еще довольно оригинален (смотри «Одиссею», «Аспазию Ламприди» и др. мои повести); но он *еще пока* оригинален, кое-где – благодаря турецкому владычеству, кое-где – благодаря спасительной дикости и грубости сельского и горного населения даже и в независимой Греции. Это – оригинальность *охранения (старого)*; а не оригинальность *творчества (нового)*. Охранение же от неразвитости, от отсталости ненадежно; надежно только созидание чего-либо *нового* или *полунового* высшими, более развитыми классами, за которыми рано или поздно, хотя и нехотя, идет народ.

Православие в селах очень твердо (тверже, пожалуй, чем в России), но оно неосмысленно, просто, серо и не в силах бороться с афин-

ским поверхностным рационализмом.

Греческое духовенство жалуется, что в Афинах религия в упадке (значит, ослабело *главное обособляющее* от Запада начало); она (религия) гораздо больше дает себя чувствовать в Царьграде, чем в Афинах, и вообще под турком больше, чем в чистой Элладе. Есть и анекдоты по этому поводу очень выразительные.

Итак, *национально-политическая* независимость у греков оказалась вредной и боке или менее губительной для *независимости духовной*; с возрастанием первой – падает вторая.

Разумеется, духовная зависимость от Запада, в которую впадают современные греки, остывая к Православию, не католицизм (для искреннего стремления в Рим нужно быть все-таки религиозным; надо предпочитать одну мистическую веру другой вере, такой же мистической и церковной). Греки впадают в самую обыкновенную общеевропейскую рационалистическую пошлость... Опять *смешение*, сближение, сходство, *космополитизм идей и чувств*.

О быте, о жизни общественной не стоит много и говорить. Здесь – опять одни отрицательные отличия. Городской быт греков – та же Европа, только посуше, поскучнее, поглубже и т. д. Замечу кстати, что в общественном отношении есть даже весьма заметная разница между фанариотами^{5} и афинянами – *не к выгоде последних*: фанариоты изящнее, тоньше, умнее в обществе, афиняне – несколько пошлее.

Со дня освобождения эллинов и образования независимого Греческого королевства (из одной только четверти всех подчиненных чуждой власти греков) до 1859 и 60 годов ничего особенного на почве политического национализма не произошло. Было за это время два национальных восстания: польское 31 года и венгерское 48 года. *Они оба носили аристократический характер, и оба не удались.* Заметьте это: эта черта будет повторяться.

В 1859–60-х годах совершилось освобождение и объединение Италии. Наполеон III, *воображая*, что создает для Франции вечного союзника, достаточно сильного, чтобы быть полезным, и достаточно слабого, чтобы не быть

опасным, победил Австрию, но захотел остановиться на полдороге; оставив Австрии всю Венецию (область), он держал в Риме войско для защиты светской власти папы и т. д. Эти меры его не привели ни к чему. По-видимому, они были еще *слишком консервативны; они недостаточно служили процессу эгалитарного всесмешения и всеплоскости*. Виктор Эммануил и Кавур обманули хитрого Наполеона посредством весьма сложного приема. На юге Италии Гарибальди завоевал Неаполитанское королевство и изгнал *древних охранителей Бурбонов*. На севере сардинские войска разбили войска папы и отняли у него часть территории; в Тоскане и других местах произошло подстрекаемое Пьемонтом *народное движение* в пользу объединяющей короны Виктора Эммануила, и в очень короткое время объединилась вся Италия, за исключением части Папской области с Римом и Венецианской области, оставшейся пока у Австрии! Через 6 лет (в 66 году) эта почти объединенная Италия заключает союз с Пруссией против Австрии и получает в награду Венецианскую область. И, заметьте, опять каким слож-

ным путем: итальянцы разбиты наголову австрийцами при Лиссе и Кустоцце; но союзные им прусские войска в это же время стоят уже под Веной. В порыве отчаяния Франц Иосиф, желая освободить для защиты Австрии те свои войска, которые должны действовать в Италии, дарит по телеграфу Венецианскую область Наполеону III. Италия этим парализована, ибо Наполеон отдает немедленно эту территорию Виктору Эммануилу, и война в той стороне останавливается. Пруссия также прекращает военные действия на севере Австрии (она боится, между прочим, того, чтобы Франция не вмешалась со свежими силами в борьбу). Мир заключен. Но как? Все в том же направлении *племенного объединения*, влекущего за собою *большое однообразие как в самой объединенной среде, так и по отношению сходства с соседними государственными обществами*. Силен ли или слаб был прежний Германский союз с двумя большими державами во главе (Австрией и Пруссией) – это другой вопрос; *но он был в высшей степени оригинален, то есть истинно национален* и по внутреннему политическому устройству, и по

внешней политической роли, и в особенности по общественным, бытовым формам. Пруссия не отнимает ни пяди земли у Австрии (она бережет ее на всякий случай, особенно против будущего славянского объединения); она только по мирному договору изгоняет ее из старого Германского союза и образует новый, *более чистый, более племенной*. (Австрия пестрила его, так сказать, своим участием в нем.) Пруссия, в разной степени подчиняя себе государства севера и заключая секретные (до поры до времени) договоры с немецкими государствами юга (Баварией, Вюртембергом и Баденом), почти уже тогда объединяет все германское племя, за исключением 8 миллионов австрийских немцев и Эльзас-Лотарингии (действительно немецких и отторгнутых прежде Францией).

Настает 1870-й год. Франция побеждена; Австрия парализована угрозами России, которая основательно хотела предоставить дело судьбам единоборства.

Объединение германского племени сделало еще огромный шаг: Эльзас-Лотарингия отвоевана; внутренний союз теснее, прусский

король избран императором всей Германии.

Итальянское правительство, пользуясь разгромом Франции, тоже угрожает своей освободительнице, и *французские войска уходят из Рима, предоставляя папу его судьбе*. Итальянские войска вступают в Рим после незначительной стычки – и, как прекрасно выразился Данилевский, «всемирный город римского первосвященника обращен в столицу неважного государства!». Объединение Италии и Германии теперь почти окончено. Италии остается приобрести еще лишь небольшой клочок от Австрии (признаюсь, забыл, как даже он и называется{6}). Германии остается присоединить 8 мил. австрийских немцев и, пожалуй, наши Остзейские провинции, ибо если на нашей, русской, стороне, так сказать, идея *демократическая*, право *этнографического большинства* (эсты и т. п.), то на стороне немцев идея высшая (*культурная и аристократическая*) в этом вопросе. Когда *настоящее*, искреннее Православие сделает в этом крае действительно большие успехи, тогда на нашей стороне будет право еще более высшего порядка; а пока, ра-

зумеется, один остзейский породистый барон сам по себе стоит целой сотни эстского и латышского различия. *Пока* мы еще в Остзейском крае служим все той же системе всеобщего уравнения. Все это так, я желаю говорить правду; но Германия, ввиду русской силы и панславизма, с одной стороны, оберегает Австрию и не спешит отнять у нее ее немцев; а с другой, ввиду той же опасной русской силы, она при жизни Бисмарка не позволит себе воевать с Россией из-за одного Прибалтийского края, это было бы слишком глупо. Нападение на Остзейский край может быть *результатом* войны, одной из ее случайностей; но не будет *ее причиной* до тех пор, пока немцы управляются умными людьми.

Таковы факты международной внешней политики. Но что же мы видим во внутренней жизни всех перечисленных народов и государств, которые боролись перед глазами нашими с 1859 до 89 года? (Я пропускаю здесь нашу войну с Турцией{7}, *которая была тоже более племенного, чем религиозного или чисто государственного характера, о ней надо говорить особо.*)

Все эти нации, все эти государства, все эти общества сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. И в то же время они все много «преуспели» на пути большего сходства с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде.

Местами более против прежнего крупная, а местами более против прежнего чистая группировка государственности по племенам и нациям есть поэтому не что иное, как поразительная по силе и ясности своей подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потом, быть может, и всемирное!

Это ужасно! Но еще ужаснее, по-моему, то, что у нас в России до сих пор никто этого не видит и не хочет понять...

«Кто хорошо распознает болезнь, тот хорошо ее лечит», – говорит старая медицинская поговорка...

Попытаемся же скорее, пока еще не поздно, распознать внимательно и смело тот недуг, которым страждет Запад; попытаемся распознать его во всех его видоизменениях и нередко обманчивых формах... И тогда только, когда мы, с трепетом пророческого страха за свою дорогую родину и с мужеством неизменной решимости, взглянем печальной истине прямо в глаза, тогда только мы будем в силах судить, во-первых, не болеем ли и мы, русские, тою же таинственной и сложною болезнью, которая губит Западную Европу – *неорганически*, так сказать, *все в ней равняя*, – а во-вторых, далеко ли зашло у нас это самое разложение и есть ли нам надежда на исцеление – и как, и когда! Ведь и у нас на востоке Европы идея либерального панславизма тлеет под пеплом... Как с ней быть? И отказаться нам от нее невозможно, невыгодно, и опасаться ее необходимо по аналогии.

Поэтому прежде всего, я говорю, *надо внимательно и подробно проследить эту племенную идею во всех ее проявлениях.*

Поговорим теперь подробнее об Италии и о тех плодах, которые созрели в этой классической стране на почве *национальной политики*.

Италия еще в 1-й половине этого века славилась и своеобразием, и разнообразием своим. Близкая по племенному составу и языку к Франции и Испании, она весьма резко отличалась от них законами, духом, нравами, обычаями и т. п. Добродушная патриархальность и дикая жестокость, беспорядок и поэзия, наивность и лукавство, пламенная набожность и тонкий разврат, глубокая старина и вспышки крайне революционного духа – все это сочеталось тогда в жизни разъединенной и отчасти порабощенной Италии самым оригинальным образом. И кого же она тогда не вдохновляла?!

Байрон, гениальным инстинктом прозревавший грядущее демократическое опошление более цивилизованных стран Европы, бежал из них в запущенные сады Испании, Италии и Турции – там ему дышалось легче!

О Франции он совсем почти не писал и, сколько помнится, и не был в ней. Англию ненавидел, на Германию тоже мало обращал внимания.

Самое лучшее, самое самобытное и зрелое его произведение – «Чайльд Гарольд» – все наполнено картинами этих одичалых южных стран...

Гёте Италии обязан «Римскими элегиями» и знаменитым характером Миньоны; Пушкин мечтал об Италии и писал о ней. У Жорж Санд в романах есть множество итальянских характеров, обработанных с особою любовью и даже пристрастием[2]. Alf. de Musset любил Италию не менее других художников и поэтов. Италии же обязан Ламартин одним из лучших и живых своих произведений – романом «Грациелла». «Рим» Гоголя вам, конечно, известен.

Самая отсталость Италии, полудикость ее восхищала многих. Прочтите, если можете, у Герцена об Италии; у Герцена почти все, что касается политики, – бредни; но зато все, что касается *жизни*, – прекрасно. Все были согласны, что Италия не сера, не буржуазна, не

обыкновенна, не пошла. Все путешественники восхищались разнообразием не только природы ее, но и жизни, быта, характеров. За Альпами начинался для англичан, французов, русских, немцев какой-то волшебный мир, какая-то прелестная разнovidная панорама от Ломбардии до Рима и Сицилии. Говорят, даже экипажи, способы сообщения, упряжь – все было в то время разное. При этом Италия тогда была сравнительно бедна. Не было железных дорог, гостиницы были плохи, разбой, лень на юге и т. д. *Но все эти недостатки были необъяснимым и неразрывным образом сопряжены с теми именно привлекательными чертами, которые составляли отличительные признаки итальянской самобытности (культурной, бытовой, эстетической). Искусства замечательного уже давно не было в Италии (за исключением музыки), пластика отражений в духе самих итальянцев иссякла; но пластика жизни зато вдохновляла иностранцев. Вот это настоящий обмен духовный, возможный только при сильной разнovidности!*

Раздробленная и подчиненная где Ав-

стрии, где церкви, где деспотическим монархам, Италия стала на наших глазах Италией единой, политически независимой, политически уравненной от Альп до Этны, однородно конституционной, несравненно более индустриальной, чем прежде, с железными дорогами и фабриками.

Она стала больше прежнего похожа на Францию и на всякую другую европейскую страну. Изменения внешнеполитического положения и внутренних учреждений с удивительно быстротой отразились в изменении жизни, быта, нравов и обычаев, – вообще, в опошлении *тех самых картин духовно-пластических, на которых так блаженно и восторженно отдыхали вдохновенные умы остальной Европы.*

Усилившись, Италия почти немедленно обезличилась культурно. Как политическая сила, она все-таки остается презренной и не важной и не имеет будущего. Как явление культурное, она на глазах наших утрачивает смысл свой; ибо, конечно, не ей предстоит впредь вести за собою Европу, не ей творить, – нового творчества у нее впереди не бу-

дет; сохранить же поучительную поэзию старого своего творчества, великие остатки свои (я говорю не о камнях, а о жизни) она не смогла, увлекшись жаждой приобрести ту политическую силу, которая целые века не давалась ей при раздроблении и зависимости.

Но увы! – раздробленная, она царила многим над другими (папством, искусством, странным соединением тонкости с дикостью и т. д.). Объединенная, она стала лишь «мещанин во дворянстве» сравнительно с Россией, Германией, Францией и т. д.; в политике – какая-то «переметная сума», у всех на пристяжке, и всеми, и везде побеждаемая; в быту – шаг за шагом – *как все!*

Я не могу подробно вам рассказывать здесь, как неприятно я был поражен уже 20 лет тому назад (в 69 году) в Болонье контрастом между остатками средневекового величия в соборе, в феодальном университете и т. д., и видом *серо-черной, такой же, как везде, уличной, отвратительной, европейской толпы!* С какою радостью я, переехавши море, увидел в турецком Эпире, куда я назначен был консулом, иную жизнь, – не эту всеоб-

щую истинно проклятую жизнь пара, конституции, равенства, цилиндра и пиджака.

Да, впрочем, кто же из знавших Италию *прежнюю* теперь жив? Никто. Но книги есть, картины есть, рассказы прекрасные есть. Сравните. Отыщите, например, описания *прежних* пышных папских процессий, *прежних* карнавалов, *прежней* Венеции, *прежнего* развратного и набожного, деспотического и ленивого, но обворожительного Неаполя. Природа – та же оригинальная, характер жизни, меняясь и меняясь, постепенно приближается все более и более к *общеевропейскому среднему уровню, к среднему типу*.

Замечу, что, живя еще в Турции, я вырезал из одной иностранной (не помню какой) газеты статью о том, что теперь, после войны 71 года, предстоит Риму (т. е. после вступления в папский Рим итальянского войска). В этой статье (быть может, клерикального происхождения) справедливо пророчили общеевропейское опошление жизни «вечного города». И в ней говорили: «Процессий не будет, будет обилие фабрик и стачки голодающих рабочих; обычный комфорт заменит живописный

беспорядок старого папского Рима» и т. д.

Мне очень жаль, что эта вырезка потеряна или уничтожена.

Об Италии я кончил. Очень полезно было бы привести побольше картин и примеров, но я не в силах этого сделать, ибо тогда эти письма обратились бы в серьезную работу, которая потребовала бы бездну цитат и справок.

Но нет никакого сомнения, что все эти справки поразительно бы подтвердили то, что я говорю.

Теперь о Германии.

«A priori» тоже без всяких справок и примеров можно сказать, что если какая-нибудь нация была долго разделена на множество государств, то в духе и быте ее, в ее нравах, учреждениях, обычаях и т. д. будет много разнообразия и своеобразия; а когда эта раздробленная нация сольется в единое государство, то неизбежно начнется процесс ассимиляции – сначала в верхних слоях, а позднее в низших. И факты подтверждают это. Стоит только вообразить католическую Баварию и Пруссию времен хоть Фридриха II или даже

Наполеона I и между этими двумя крайностями Юга и Севера, католицизма и протестантизма, представить себе Ганновер, С.-Веймар, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт и т. д., стоит только поискать в библиотеках прежние описания тех стран и государств и прежние о них суждения как самих немцев, так и иностранцев, – и сейчас будет ясно, как много и как скоро стала изменяться Германия после 1866 и 71 годов, *изменяться к худшему в отношении собственно национальном – культурном, по мере возрастания политического единства, независимости и международного преобладания.*

Я говорю, «независимости» – в смысле относительном, ибо хотя все германские государства и самый Союз и прежде были *в принципе* так же независимы, как Россия, Австрия, Франция, Англия и Турция, но на деле старый Германский союз был в международной политике слаб, нерешителен, зависим то от России, то от Франции (при Наполеоне I) и т. д. *Объединение, значит, и в этом случае было солидарно с некоторой эмансипацией.*

Была у Каткова одна большая и превосход-

ная передовая статья о том, как прежнее разъединение Германии было плодотворно для ее богатой разнообразной культуры и как трудно ожидать, чтобы при новых порядках это богатство сохранилось. Что статья такая была – это верно, но когда была она напечатана – в 71 или 72 году, этого я указать не могу. Конечно, не ранее 71 и не позднее 72 г. (едва ли даже в 73 г.) Хорошо бы найти ее вам в музее.

III (окончание)

Есть у меня три небольшие тома под заглавием: «Обзор современных конституций». Первые две части были изданы еще в 1862 году *людьми весьма либеральными*, как бы в «пику» нашему правительству, что «везде, даже и на Сандвичевых островах, есть конституции, а у нас нет». Конституционно-демократическое королевство с двумя палатами в этом сборнике представляется почти идеалом; я говорю «почти», ибо и республики вроде швейцарской и северо-американской пользуются у авторов большим уважением. Но как бы то ни было, факты остаются фактами, и так как эта книжка впервые была издана в начале 60-х годов, когда о германском единстве не было и помина, то и она, изображая разницу между учреждениями разных немецких государств, даже и в $\frac{1}{2}$ нашего века может также служить для подтверждения того, что нынешнее национальное единство принимает *неизбежно нивелирующий, всеуровнивающий, более или менее эгалитарный характер*; сводит с первых же шагов всех и все на

путь чего-то среднего – сперва на путь большего противу прежнего сходства составных частей между собою, а потом и на путь большего сходства с наияснейшим первообразом новой Европы – с эгалитарно-либеральной Францией, уже с 89 года прошлого века стремящейся у себя уничтожить все сословные, провинциальные и даже личные в людях оттенки. Токвиль в своей книге «L'ancien régime et la Révolution»{8} первый стал жаловаться на то, что французы его времени (т. е. 30–40-х годов) несравненно более между собою схожи, чем были их отцы и деды. В 50-х годах Дж. Ст. Милль издал замечательную книгу «О свободе». Книга эта, положим, весьма неудачно озаглавлена – ее надо бы назвать «О разнообразии» или «О разнообразном развитии людей», – ибо она написана прямо с целью доказать, что однообразие воспитания и положений, к которому стремится Европа, есть гибель. «Свобода» тут у него вовсе некстати, ибо от него как-то ускользнуло то обстоятельство, что именно нынешняя свобода, нынешняя легальная эгалитарность, больше всего и способствует тому, чтобы все большее и большее

количество людей находилось в *однородном* положении и *подвергалось бы однообразному воспитанию*. Однако, несмотря на эту грубейшую и непостижимую ошибку, в этой книге Дж. Ст. Милля есть драгоценные страницы и строки, его же собственный либерализм беспощадно опровергающие; он тоже цитирует Токвиля и жалуется на современное однообразие англичан. В 50-х годах (кажется) вышла немецкая книга Рилья «Страна и люди» («Land und Leute»). Риль говорит, что в средней Германии слишком все уже *смешалось*, что там нет глубины и оригинальности и что остатки этой глубины духовной и оригинальности бытовой надо искать или на юге Германии, или на крайнем севере. Книгу эту, впрочем, я читал так давно, что не хочу указывать самоуверенно на те частности, которые остались у меня в памяти (не считаю себя вправе вполне доверять ей); помнится только, что природа (лес, пустые места, горы и т. п.) играет в этой книге Рилья более значительную роль, чем учреждения. Но это не беда; природа (особенно до изобретения паровых и электрических сообщений) влияла, как всякому известно,

глубоко не только на общие нравы и личные характеры, но и на учреждения. И наоборот, учреждения (особенно при нынешних средствах сообщения) глубоко влияют на природу. Общество везде нынче жестоко подчиняет природу (в том числе и личный характер, *натуру* отдельного лица). Например, при глубоко сословном строе времен Государя Николая Павловича едва-едва решились у нас построить железную дорогу между двумя нашими столицами. *Не было потребности*; было меньше междусословного уравнивающего движения, было гораздо меньше надежд и мечтаний *переменить свое положение* и меньше поэтому потребности *переменить свое местожительство*. Движение всякого рода было тогда умереннее; положения были устойчивее, образ жизни в каждой общественной группе (у дворян, купцов, у белого духовенства и крестьян) был постояннее, тверже и вследствие этого обособленнее в каждой группе. Только самые сильные в худом и в хорошем направлении, даровитые или особенно счастливые и хитрые люди, или особенно оригинальные вырывались из своей группы так или иначе, —

добром или злом, но вырывались. Вместе с усилением свободного движения *личной воли*, хотя бы и дурацкой, *личного рассуждения*, хотя бы и весьма плохого, с освобождением и от духа сословных групп, и от общенациональных старых привычек усилилась и потребность физического движения; большое количество людей захотело ездить, и ездить скоро; *скоро менять и место, и условия своей жизни*. Построилось вдруг множество железных дорог, стали вырубаться знаменитые русские леса, стала портиться почва, начали мелесть и великие реки наши. *Эмансипированный* русский человек восторжествовал над своей родной природой – он изуродовал ее быстрее всякого европейца. Таких примеров и обратных бездна.

Природа, *«натура»* человека, *учреждения*, быт, вера, моды – все это органически связано.

Едва ли, например, *слишком уравненная*: почва нынешней Франции даст достаточный ход какой-нибудь *сильной натуре*, какому-нибудь новому Наполеону. Мы видели, как паутина *демократической легальности* запута-

ла еще недавно даровитого и смелого Гамбетту.

Возвращаюсь опять к состоянию современной Германии.

Наполеоны и Бисмарки, т. е. люди не пошлые, на других не похожие, само собою разумеется, нужны для того, чтобы дать толчок дальнейшему смещению, где сословий и классов, где провинций или независимых государств одного племени; но *результат* их деятельности в XIX веке все тот же — *еще огромный шаг ко всеобщей ассимиляции.*

Германия объединенная, единая, сплошная, сохранившая только кое-где тени прежних королей и герцогов, общеконституционная, с одним общим ограниченным императором, тесно связанная теперь одинаковыми военными, таможенными и т. п. условиями, *не только стала внутренне однообразнее прежнего, но и гораздо больше стала похожа строем своим на побежденную ею Францию.* Стоит только в контраст нашему времени вообразить картину и жизнь *единой и монархической* Франции хоть в XVIII веке и жизнь *тоже монархической, но раздробленной* Герма-

нии того же времени, чтобы ясно увидеть, до чего теперь культурная, бытовая, национальная собственно разница между двумя этими странами уменьшилась.

Впрочем, я полагаю, и проверить все то, что я говорю, не особенно трудно человеку молодому, трудолюбивому и не ослепленному каким-нибудь предубеждением. Побольше разных фактов, разных справок, – и я, без сомнения, буду ими вполне оправдан.

Говорить ли здесь много об Испании? Я думаю – не стоит. Испания давно уже не была раздроблена политически на отдельные государства, как Германия и часть Италии. У нее не было, как у Италии, целых областей, подчиненных иностранной власти. Ей не нужно было ни освободиться, ни стремиться к политическому единству. Она просто прямо, без изворотов, шаг за шагом, подобно Франции и Англии, демократизировалась внутренне и стала сходнее с другими нациями в течение этого исходящего, XIX века. Есть у нее, правда, родственная по племени и независимая от нее Португалия, точно так же, как есть у Франции независимая (пока еще) французская

же Бельгия, – «время терпит!». Современные оттенки очень неважны с той высшей точки, с которой я смотрю. И эти оттенки могут легко сгладиться при первом внутреннем перевороте, ведущем к дальнейшей разрушительной ассимиляции, или после какой-нибудь новой международной борьбы, в наше время везде влекущей за собою бытовую бесхарактерность как победителя, так и побежденного, – как поглощенного, так и поглотителя, – как освобожденного, так и завоеванного.

Все идут к одному – к какому-то среднеевропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека. И если не произойдет в XX веке где-нибудь и какой-нибудь невообразимый даже переворот в самих идеях, потребностях, нуждах и вкусах, то и будут так идти, пока не сольются все в одну – всеевропейскую, республиканскую федерацию.

Поэтому ни о Португалии, ни о Голландии, ни о Швейцарии, Дании или Швеции не стоит и распространяться по поводу того широкого и серьезного вопроса, который нас занимает.

В культурно-бытовом отношении во всех

этих небольших государственных мирах и без того с каждым годом остается все меньше и меньше своеобразного и духовно-независимого. А политическая, внешняя независимость их держится лишь соперничеством или милостью больших держав.

IV

Если бы случалось всегда так, что плоды политические, социальные и культурные соответствовали бы замыслам руководителей движения или идеалам и сочувствиям руководимых масс, то умственная задача наша была бы гораздо проще и доступнее какому-нибудь реальному и осязательному объяснению.

Но когда мы видим, что победы и поражения, вооруженные восстания народов и если не всегда «благодетельные», то *несомненно, благонамеренные* реформы многих монархов, освобождение и покорение наций, — одним словом, самые противоположные исторические обстоятельства и события приводят всех к одному результату — к *демократизации внутри* и к *ассимиляции вовне*, то, разумеется, является потребность объяснить все это более глубокой, высшей и отдаленной (а может быть, и весьма печальной) *телеологией*.

Лет десять тому назад, огорченный и оскорбленный не столько Берлинским трактатом, сколько той *всесветно-европейской*

пошлостью, которая немедленно после войны воцарилась в освобожденной Болгарии, я хотел было писать большую статью под довольно затейливым заглавием: *«Протей общеевропейского разложения»*. Заглавие это нравилось мне потому, что указывало как на сложность и обманчивость этого процесса, так и на какую-то таинственную силу, стоящую вне человеческих соображений и несравненно выше их.

Но печатать такую статью в то время было негде, и я не написал ее... Я только мимоходом упомянул об этом «Протее» моем в конце одной заметки, помещенной в газете «Восток», малоизвестной, бедной и *всеми (даже и Катковым)* гонимой за крайний ее консерватизм. Вы можете найти, если хотите, это место в первом томе моего сборника (См. «Письма отшельника», «Наше болгаробесие» и т. д.).

Но оставим пока эти общие рассуждения. Припомним лучше еще раз ближайшие события европейской истории с того года (с 59-го), в который Наполеон III вздумал «официально», так сказать, написать на знамени своем этот самый девиз *«политической националь-*

ности».

Я не боюсь повторений. Раз решившись писать об этом, я боюсь только неясности.

Факты же современной истории до такой грубости наглядны, до такой вопиющей скорби поучительны, что они сами говорят за себя, и я не могу насытиться их изложением.

В 1859 году Наполеон III сговаривается с Пьемонтом и в союзе с ним побеждает Австрию, которая противится этому национально-политическому принципу.

Этот приговор истории повторяется с тех пор неизменно: все то, что противится политическому движению племен к освобождению, объединению, усилению их в государственной отдельности и чистоте, – все то побеждено, унижено, ослаблено. И заметьте, все это противящееся (за немногими исключениями, подтверждающими лишь общее правило) носит тот или другой охранительный характер. Побеждена Австрия католическая, монархическая, самодержавная, аристократическая, антинациональная, чисто государственная – Австрия, которую недаром же предпочитал даже и Пруссии наш великий

охранитель Николай Павлович. Заметьте, что и безучастие России в 1859 году, ее почти что потворство французским победам и ее все возрастающее нерасположение к Австрии доказывает, что в начале 60-х годов и позднее не только в обществе русском, но и в правительственных сферах *племенные чувства начинают брать верх над государственными инстинктами*. Это одно, по-моему, уже не делает чести племенному чувству, не хорошо рекомендует его. Все то, что начало нравиться в 60-х годах, – *подозрительно*. Это станет еще понятнее, когда вы вспомните, что пробуждение этого *племенного* чувства у нас совпадает по времени с весьма искренним и сильным *внутренне-уравнительным* движением (эмансипации и т. д.). Мы тогда стали больше думать о славянском национализме и дома, и за пределами России, когда учреждениями и нравами стали вдруг быстро приближаться ко все-Европе. (Не горько ли это?!)

Мы даже на войско надели тогда французское кепи. Это очень важный символ! Ибо, имея в духе нашем очень мало склонности к действительному творчеству, мы всегда но-

сим в сердце какой-нибудь готовый западный идеал. Прусская каска Николая I, символ монархии сословной, нам тогда разонравилась, и безобразное кепи, наряд эгалитарного кесаризма, нам стало больше по сердцу! Прошу вас, задумайтесь над этим! Это вовсе не пустяки; это очень важно!

Итак, в 1859 году ослаблена Австрия, государство весьма охранительное. *У папы в то же почти время отнята часть земли.* Вместе с тем готовится издать поражение Франции и обращение ее в республику, ибо Италия выросла не в помощницы ей, а во врага, не всегда даже тайного, – она выросла в союзницы Пруссии, которой будущие победы должны были привести Францию к разочарованию в кесаризме и к якобинской (мещанской) республике.

Посмотрите: когда нужно было (по решению и мановению невидимой десницы) победить в Крыму Россию, монархию крепко-сословную, дворянскую, консервативную, самодержавную, а в 1859 году Австрию, державу тоже (и даже более, чем Россия) охранительную, – у Наполеона III, у министров и генера-

лов его нашлись и сила, и мудрость, и предусмотрительность – все нашлось! Когда же потребовалось создание *весьма либеральной, естественно-конституционной, антипапской и давно уже слабо-аристократической* Италии (вдобавок глубоко разьедаемой социализмом), то против Австрии, мешавшей этому, сила нашлась, но против Италии *не нашлось мудрости*. Старик Тьер, говоривший уже тогда против итальянской эмансипации, был гласом вопиющего в пустыне!

Обратите еще внимание и на то, что случилось вслед за этим с Францией в 1862 и 63 годах. Взбунтовалась *весьма дворянская и весьма католическая* Польша против России, искренно увлеченной в то время своим разрушительно-эмансипационным процессом. У Франции не нашлось тут уже не только одной мудрости, но и силы. Она подняла на Западе в пользу *реакционного* польского бунта пустую словесную бурю, которая только ожесточила русских и сделала их строже к полякам; Россия же после этого стала смелее, сильнее, *еще и еще либеральнее сама и в то же время насильственно демократизировала Польшу и*

больше прежнего ассимилировала ее.

Войну объявить России за Польшу Франция не решилась, не могла. *Таинственная десница не допустила ее.* Для этого тайного двигателя достаточно было настолько ободрить католическую, дворянскую, реакционную Польшу и настолько раздражить Россию (еще не совсем уверенную в своих *общевропейских* начинаниях), чтобы вторая, победивши, поверила бы больше в свою *эгалитарно-либеральную правоту* и чтобы первая была *насильственно демократизирована*. Словом, чтобы обе разом еще на несколько больших и ускоренных шагов приблизились к *общесемительному стилю* нынешних западных обществ.

Старайтесь не забывать при этом, что они обе – Польша и Россия – *боролись под знаменем национальным*. В России давно уже все *русское общество* не содействовало правительству с таким единодушием и усердием, как во время этого польского мятежа. *Русское* это общество, движимое тогда оскорбленным *национальным, кровным* чувством своим, при виде неразумных посягательств поляков на

малороссийские и белорусские провинции наши, стало гораздо строже самого правительства и... послужило, само того не подозревая, все к тому же и тому же космополитическому всепретворению!

До 1863 года и Польша, и Россия – обе внутренними порядками своими гораздо менее были похожи на современную им Европу, чем они обе стали после своей борьбы за национальность.

Почти в то же время Наполеон III потерпел еще и другую неудачу. И потерпел ее потому, во-первых, что хотел создать новую и сильную монархию, в Мексике. Французы, защитники монархии, были почти позорно изгнаны из Америки республикой Соединенных Штатов; император Максимилиан был убит демократами Мексики.

Республика же Соединенных Штатов в то же время вынесла упорную междоусобную брань, к концу которой Север, промышленный, более буржуазный, более эгалитарно-демократический (освободивший, кстати, и рабов), победил и подчинил себе помещичий и рабовладельческий, то есть несколько более

аристократический, Юг.

Россия при этом нравственно поддерживала Север. Эгалитарная Франция и либеральная Англия, напротив того, помогали южанам.

Любуйтесь же, любуйтесь на хитрые извороты моего «Протея»!..

Всё к *тому же!* Всё к *тому!*..

Истинно нерасторжимая связь *всеуравнивающих* событий продолжает обнаруживаться во 2-й половине XIX века все с новой и новой силой благодаря поразительному ослеплению самых умных и практических людей, которые почти все сами не понимают, *чему* они служат...

В 1866 году возгорается война между Пруссией и Австрией. На стороне Пруссии *освобожденная* Францией Италия, на стороне Австрии весь остальной Германский союз.

Здесь ближайшие причины как начала борьбы, так и ее непосредственных исходов – сложнее, чем во всех предыдущих примерах, но мы и не станем входить в подробное рассмотрение, почему кто кого победил и какой идеал носили в уме своем вожди и двигатели этой борьбы. *Нам нужно* показать только *однообразие* дальнейшего результата для всех наций, принимавших в ней участие, а больше ничего.

Вообще сказать, если мы будем смотреть внимательно на производящие и предраспо-

лагающие причины побед и поражений, то нам будет труднее разобраться; а если мы обратим больше внимания на причины *конечные*, то есть все на ту же *в се смесительную и всеуравнивающую телеологию*, то нам опять станет все ясно.

Изменим для этого порядок мыслей наших и самого нашего изложения. Станем с точки зрения современного нам положения дел смотреть на прошедшие события, и мы увидим, что *именно такие, а не другие события мы бы придумали сами, если бы имели целью создать современное положение.*

Предположим, что у нас было бы намерение как можно глубже и скорее уравнивать в духе, в учреждениях и в обычаях всю Западную Европу, привести ее всю прежде всего шаг за шагом к той непрочной, эгалитарно-либеральной и централизованной, *общедоступной* форме правления, которая зовется *бессловно-конституционной монархией* и которой самым типическим выражением была июльская (Орлеанская) монархия Людовика Филиппа (от 30 до 48 года). Обществу, подготовленному этой эгалитарно-монархиче-

ской конституцией, нетрудно перейти от этой формы к конституции *эгалитарно-республиканской*, которая по слабости власти есть форма самая удобная для проявления анархических (т. е. все более и более разрушительных) склонностей в народе. (При этом, конечно, и об идеях, теориях, учениях и т. п. забывать не надо... Все эти мысли и мечты могут быть везде; но надо также помнить, что одна форма правления, один строй общества более благоприятны для практических попыток приложить анархические теории к делу, а другие менее.)

Какими же путями нам достичь этой цели нашей – *везде ослабить влияние церкви* (какой бы то ни было), *духовенства, религии, везде принизить монархическую власть, опутать ее мелкой сетью демократической легальности*, *везде стереть последние следы дворянских преимуществ*, и без того *везде более или менее умаленных и почти уничтоженных как долгой и мелкой реформенной работой, так и проповедью идеальной в течение целого полувека* (и более, считая от 89 года до 59, 60, 61, например)? Как же это сделать? По-

ложим, что мы с вами даже всемогущи, но мы не хотим показывать этого, и потому, с презрительной улыбкой сожаления глядя на заблуждения людские, мы предоставляем им делать... делать... что делать?.. Мы, конечно, предоставили бы им делать именно то, что они делали в политике за последние годы.

До 1860, 66 и 71 года этого века группировка главных политических сил на Западе была старая. Несмотря на мелкие пограничные изменения, она была в главных чертах почти все та же в течение каких-нибудь 400 лет: единая, одноплеменная Франция; единая Англия (по племенному составу, не считая даже колоний, более Франции пестрая); единая, но разноплеменная Австрия; однородная, но раздробленная Италия и такая же однородная и раздробленная Германия.

Общественная почва всей Западной Европы достаточно уже разрыхлена, как я выше сказал, вековой подготовительной работой рационализма, безбожия, гражданской равноправности, индустриального движения, неоднократными анархическими вспышками и т. д. У царей ослабела вера в их божественное

право; знать везде предпочитает деньги прежней власти, везде более или менее ищет популярности; среднее сословие («*средний человек*») везде так или иначе давно у дел, если он учен и богат, он давно гораздо больше значит, чем знатный человек; работник тоже поднял голову; и права, и потребности, и самомнение его возросли неимоверно, а вещественная жизнь стала и дороже, и труднее, и положение поэтому обиднее для его как *раз к стати* возросшего самолюбия.

Итак, почва хорошо подготовлена. Однако многого еще недостает для дальнейшего (разрушительного) прогресса на искомом нами пути.

Многое недостаточно еще *уравнено* и недостаточно *дезорганизовано* для достижения того идеала *разложения в однородности*, к которому мы с вами, *по предполагаемому выше уговору*, стремимся. (Организация ведь выражается разнообразием в единстве, хотя бы и самым *насильственным*, а никак не свободой в однообразии, – это именно дезорганизация.)

Что же нам делать? Как обмануть людей? А вот как:

Во многих местах люди власти и влияния, как будто наученные грубым опытом истории, *не хотят и не могут идти дальше на пути прямой и открытой демократизации*. Они понимают, что это будет немедленная гибель... Желая (как я предположил) предоставить им волю *вообразать*, что они сами придумывают что-то полезное и делают именно то, чего бы они желали, т. е. или возвеличить *надолго* свою национальность там, где она свободна, или освободить там, где она не свободна (тоже все-таки возвеличить), и т. д., мы обманываем их миражем какого-то *особого «национального призвания»*, культурной независимости и т. д.

Той мелкой предварительно прогрессивной работы реформ, пропаганды, вспышек, интриг, принижения высших и возвышения низших в собственных недрах всех наций, о которой была речь, становится для нашей цели в половине XIX века уже недостаточным. *Демократическая идея, по нашему наущению, прикидывается идеей национальной; идея политическая воображает себя культурной.*

Все готово! *Нужен только еще великий переворот векового равновесия великих держав на Западе.* И он почти внезапно совершается!..

Последствия далеко превзошли ожидания! Возникли две новые великие державы на юге и севере. Прежние две главные вершительницы судеб континентального Запада – Австрия и Франция – унижены и ослаблены... Но они не уничтожены. Запад стал еще *ровнее теперь и по распределению национально-государственных сил.* Сама Германия никогда уже не будет иметь той первоклассной силы, которую имела когда-то Франция. Прежняя Франция весила страшно не только оружием, но и таким общекультурным влиянием, которого нынешней Германии как ушей своих не видеть! Ибо Франция, постоянно что-нибудь *выдумывая и творя* (не по-«нашему»), была этим самым в высшей степени оригинальной. А в нынешней Германии ничего такого оригинального нет, что можно бы равнять с Францией Людовика XIV, Вольтера, первой революции Наполеона I и даже Людовика Филиппа. Это – раз. А во-вторых, и внешнее политическое положение не то, и внутренняя почва

не та у современной Германии, какая была у *прежней* Франции. Далеко не та уже! Сам Бисмарк велик, но Германия стала мелка; со смертью этого истинно великого, но рокового мужа ничтожество слишком уже *уравненного и смешанного* немецкого общества обнаружится легко в государстве, наскоро сколоченном его железною рукой.

Я уверен, что Бисмарк сам это чувствует.

Внешнее же величие Германии непрочно, во-первых, уже потому, что ее географическое положение очень невыгодно (между славянством и романским миром); а во-вторых, потому еще, что, вырастая сама под покровом России, она никогда не могла, в мере достаточной для своих грядущих выгод, препятствовать и ее усилению.

Пыталась всячески, но всегда слабо, нерешительно; даже и при Бисмарке.

Почему, например, не *послать* было нам Австрию в тыл, когда мы стояли под Плевной? Это была бы мера сильная и своевременная. Почему? Могучая совокупность обстоятельств *не дозволила, не допустила!*

А теперь уже поздно!

Поздно для австро-германских действительных торжеств на Балканском полуострове.

Этого торжества теперь не бойтесь...

Бойтесь другого... Бойтесь, напротив, того, чтобы наше торжество в случае столкновения не зашло сразу слишком далеко, чтобы не распалась Австрия и чтобы мы не оказались внезапно и без подготовки лицом к лицу с новыми миллионами эгалитарных и свободлюбивых братьев славян. Это будет хуже самого жестокого поражения на поле брани!

VI

Итак, продолжаю предполагать, что мы с вами всемогущи и желаем ускорить на Западе ход всеобщей ассимиляции.

В таком предположении, что бы нам предстояло сделать?

Нам предстояло бы, во-первых, *передовую* страну Запада, Францию (*по стопам которой все идут позднее*), переделать *поскорее* в сравнительно прочную якобинскую (капиталистическую, буржуазную) республику с бесильным президентом. Я говорю *сравнительно*, а не *прямо* – прочную; *первая* якобинская республика (республика конвента и директории) просуществовала только *семь лет* (от 93 года до 1800, т. е. до Наполеона, до консульства); *вторая* республика такая же, но с склонностью к социализму, продолжалась еще меньше (от 48 до 51 года); социальная почва Франции в те времена содержала еще в себе слишком много идеализма, чтобы нация надолго могла удовлетвориться такой скромной, прозаической (прямо сказать) формой правления. Но долгий ряд неудачных опытов

и разочарований поневоле делает людей более сухими и опять-таки тоже *более средними*. Якобинская республика без террора и с бессильными президентами – это именно и есть господство «средних людей», «средних состояний», «средних способностей», «средней власти». И для того чтобы еще больше понизить (*то есть уравнять*) социальную почву этой *передовой* Франции, необходимо было и продлить несколько подольше прежнего существование этого скромного и плоского «режима» средних людей. И вот эта *третья* республика держится пока на наших глазах уже не 7 лет, как первая, и не 3, как *вторая*, а целых *восемнадцать лет* (от 71 до 89 года)!

Такова и была бы наша первая цель, если бы мы желали и могли разрушить скорее культурно-государственное величие старой Европы.

Во-вторых, нам бы нужно было еще и еще всячески ослабить *папство* – этот главный очаг или точку коренной опоры европейского охранения.

В-третьих, нужно бы заставить все западное человечество сделать еще несколько ша-

гов на роковом пути эгалитарного всепретворения, подогнать, так сказать, отсталых, коснеющих еще в более благородных формах прежнего государственного быта: немцев, австрийцев, итальянцев, – чтобы и они ближе подошли к идеалу французского, передового общества.

Как же это сделать? С чего начать? Еще раз спрашиваю себя.

Вот с чего:

Французский император, почти самодержавный, но обязанный своею властью не наследственности и божественному праву, а демократической подаче голосов, победивший недавно в Крыму Россию (в то время столь консервативную) и снова нуждаясь в военной славе для своей популярности, придумывает пустить в ход «национальную политику», которой идея давно, впрочем, была уже в воздухе. Он, побеждая Австрию (давнюю соперницу Пруссии) и создавая большую Италию, подготавливает этим самым сперва союз этой Италии с Пруссией, а потом и свое собственное поражение рукой этой возвеличенной Пруссии. Он подготавливает поэтому: якобин-

скую республику во Франции – раз, политическое падение папства – два, более противу прежнего уравнившую, смешанную, однородную, эгалитарную империю в Германии – три, более, наконец, противу прежнего либеральные конституционные порядки в самой Австрии – четыре. Об Италии я сказал много прежде и потому здесь ее пропускаю. Замечу, впрочем, что она, при всем своем ничтожестве, быть может, самая вредная для Европы страна, ибо она самый главный враг папству.

Во внутренних делах всех помянутых стран (делах, органически связанных с внешней политикой) мы видим немедленно усиливающееся движение на пути все той же всепожирительной ассимиляции. В Германии (вскоре после 1871 года) начинается борьба против католичества. Великий Бисмарк поступает тут так, как шло бы поступать самому обыкновенному вульгарному атеисту-профессору. Что делать! Либеральная конституция (с 48 года) так уже въелась в кровь и плоть немецкого общества, «национал-либеральная» партия так стала сильна в объединенной Германии, что даже и Бисмарку понадобилось

ей угодить, ее привлечь! (Всё для более успешной *ассимиляции* всего.) Для подобных случаев либерального искательства на Западе есть всегда готовая жертва – римский папа. Эту жертву тем легче и приятнее травить, что она физически ослабела, а нравственный вес свой не вполне еще утратила. Подлых чувств противу Рима (*ослиных чувств противу ослабевшего льва*) так много в этой «нынешней» Европе!!.. Нельзя ли и Бисмарку ими воспользоваться? Нельзя ли и ему замарать руки в грязи мещанских бравад?.. «Среднее хамье» это шумит, хорохорится! Физической опасности никакой. Самые ревностные католики уже не бунтуют за святого отца! *Это ведь не социалисты, полные упований на окончательную мертвенную неподвижность всеобщего мира и благоденствия. За настоящую веру уже не прольется нынче кровь! Чтобы разогреть людей и заставить их пролить кровь будто бы за веру, надо под веру «подстроить» как-нибудь племя.* (Так было у поляков в 62 году; так было и у нас в 76 и 78-м.)

Католицизм, положим, еще не сдался тогда в принципах, и позднее Бисмарк пошел

сам на уступки. Но разве эти потрясения и эта борьба причинили мало вреда охранению? Разве мы не помним, как тогда было испугано этим движением само протестантское духовенство? Оно, обыкновенно столь неприязненное Риму, вспомнило тогда, что эта борьба направлена *против общехристианского мистицизма*; что через эти либеральные затеи понижается уважение к таинствам крещения, брака и т. д. (или хоть бы к «священным обрядам» *по-ихнему*). Протестантство, пие-тизм – есть ведь мистическая основа германского общества, и на протестантском обществе граждански-либеральные действия германского правительства отозвались хуже, чем на среде католической. Взбунтоваться, защитить свои церковные принципы рукой вооруженной католики *теперь уже не могут*, но они сплотились все-таки крепче и не оставили таинств своих, а в протестантской среде нашлось тогда, благодаря новым, всеравняющим в отрицании законам, множество людей, которые перестали крестить своих детей. Я помню, как тогда ужаснулись многие и в Германии, и у нас; у Каткова писано было об

этом, есть о том же превосходные места и в письмах Тютчева, изданных Аксаковым.

Против *великого мистического охранения* новое правительство *объединенной и смешанной, чисто племенной* Германии повело немедленно сильную борьбу; зато социализму оно *сделало огромную уступку, признавши социалистов легальной партией...* Социализм же есть *международность по преимуществу, т. е. высшее отрицание национального обособления.* (Значит, и тут национальная политика ведет ко всенародному, антикультурному смещению.) *Сверх того, в аристократической дотопе* (до 71–72 года) Пруссии «юнкерство» стало падать; последовали демократические реформы. Старая Пруссия демократизируется; «пусть и она гниет, как мы!» – воскликнул тогда Ренан с восторгом патриотического злорадства.

Еще уравнение, еще смещение. Даже еще *два-три шага на пути приближения к типу новой французской государственности: чистое племя, централизация, эгалитаризм, конституция* (достаточно сильная, чтобы и гениальный человек не решился бы ни разу на

сop d'Etat{9}), усиление индустрии и торговли, и в отпор этому – усиление, объединение анархических элементов; *наконец – милитаризм. Точь-в-точь императорская Франция!* Оттенки местные так ничтожны перед тем широким и высшим судом, о котором здесь речь, что о них и думать не стоит.

Итак, торжество национальной, племенной политики привело и немцев к большей утрате национальных особенностей; Германия после побед своих больше прежнего, так сказать, «офранцузилась» – в быте, в уставах, в строе, в нравах; значительные оттенки ее частной, местной культуры внезапно поблекли.

Ну, не рок ли это? Не коварный ли обман? Не наивное ли это самообольщение у самых великих умов нашего века, уже истекающего в неразгаданную и страшную бездну вечности?..

VII

После разгрома второй империи Франция, минуя обычную и уже прежде (от 1830 до 1848) перейденную ею ступень орлеанской, умеренно-либеральной монархии, прямо переходит к практическому осуществлению той самой мещанской (т. е. не социалистической, а *граммато-плутократической*) республики, которую тщетно старались утвердить террористы в 90-х годах прошлого века. Тогда (в 93 и т. д. годах) конвент, несмотря на свое кровавое всемогущество, боялся еще аристократов, католиков, легитимистов; и он боялся их не без основания; тогда еще была возможна Вандея; возможны были эмиграция, восстановление Бурбонов; возможен был, наконец, «белый террор» 20-х годов и т. п. Оттого проливалась так безжалостно кровь свирепая буржуазия в конце XVIII века, что охранительные или реакционные (*задерживающие разложение*) силы были еще не так изношены, как теперь, в конце XIX. Якобинская же республика во Франции 1871 года устроилась легко и просто. «Правая» сторона, и без того давно устра-

нявшаяся от настоящих дел, и не подумала противиться. Напротив того, древнее французское дворянство потворствовало этой республике. Все продолжая упорно мечтать о возможности новой реставрации под белым знаменем Генриха V, оно надеялось, что с республикой легче будет справиться, чем с империей. Многие из легитимистов впервые со времени июльской революции удостоили принять высшие должности из рук Тьера, которого они не уважали; они приняли их в надежде низвергнуть его. Последнего они достигли и помогли маршалу Мак-Магону занять кресло президента, точно так же мечтая, что он будет для старого Генриха V тем, чем 200 лет тому назад был в Англии Монк для Карла II Стюарта. Но – увы! – времена не те; почва социальная изменилась глубоко. Никакой аристократический *coup d'Etat* не может удалиться на разрыхленной столетним эгалитаризмом почве Франции! Мак-Магон уходит, а в президенты попадает сперва безличный буржуа Гриви, а потом Сади Карно, тоже неважный; и вдобавок, как уверяют, некрещеный. Я, конечно, справок метрических не на-

водил, но со всех сторон слышу об этом. Если это правда, то как вам это тоже кажется? Я нахожу, что у нас на это в высшей степени важное обстоятельство слишком мало обратили внимания.

Впервые с того великого дня, когда Хлодовик крестился и положил начало христианской государственности на Западе, *впервые с тех пор во главе во всем передового европейского государства стоит не христианин, человек некрещеный!*

Папа узник! Первый человек Франции не крещен! И мы, русские, молчим об этом, – вероятно, из соображений внешней политики... *(опять-таки, в сущности, через племенной вопрос – через славянский!)*

Итак, через племенную национальную политику, благодаря торжеству Италии и Германии, благодаря внезапному и глубокому перевороту в 400-летнем распределении государственных сил на Западе, – повторяю еще раз, папа лишен той вещественной силы, которую он пользовался в течение 1000 лет; во Франции стал возможен некрещеный председатель народовластия, попытки в ней возвра-

та к *настоящей охранительной монархии* оказываются ничтожными и почти смешными.

И всего этого мало. История *новых школ* во Франции вам известна. Республика, бессильная против соседей, благоразумно уступающая Германии, *находит, однако, в себе силу против своей народной церкви*. Она выбрасывает распятия из училищ; она хочет учить детей только *чистой гражданской этике и законам природы, не подозревая, что атеистическое государство так же противно законам социальной природы, как жизнь позвоночного животного без остова, без легких или жабр*. Мистицизм практичнее, «рациональнее», так сказать, чем это мелкое утилитарное безбожие! Вот где кстати будет воскликнуть с Царем Давидом: *«Живый на небесах посмеется им и Господь поругается им!»*{10}

Республика Франции в домашних делах своих не боится ни Бога, ни папы, ни безбожия; она боится только *социалистической анархии*, которая дала уже себя знать в 1871 году и даст знать себя еще сильнее... Подождите!

И в самом деле, какая еще новая и крутая

историческая ступень может предстоять Франции в ее *внутренней жизни*?

Я думаю так: ничего резкого и важного, кроме новых попыток имущественного, хозяйственного уравниения. В монархию французскую я не верю серьезно. Можно верить в какое-нибудь кратковременное усиление единоличной власти во Франции – не более. И при этом замечу (по аналогии со всеми предыдущими и перечисленными мною событиями), если эта единоличная власть диктатора или монарха и утвердится на короткое время в этой уже столь расслабленной равенством стране, то историческое назначение ее будет главным образом, разумеется, в том, чтобы *ускорить боевое столкновение с Германией и все неисчислимыи социальные и внешнеполитические последствия его*.

И, конечно, все в том же *ассимиляционном направлении*, от которого не спасают в XIX веке, как мы видели, ни мир, ни война, ни дружба, ни вражда, ни освобождение, ни завоевание стран и наций... И не будут спасать, пока не будет достигнута *точка насыщения равенством и однородностью*.

Борьба с Германией в близком будущем неизбежна для Франции, и в громкую победу ее трудно верить. Если бы даже случилось именно то, о чем французы мечтают, – если бы им пришлось воевать в союзе с Россией, то, мне кажется, с ними может случиться то же, что с итальянцами в 1866 году. Сами они могут быть опять разбиты немцами, но кое-что все-таки выиграть, благодаря тому, *что немцы, вероятно, будут побеждены русскими.* И заметьте, я верю в нашу победу – не потому, что знаю хорошо нашу боевую подготовку, и не по расчету на то, что совокупность напряженных франко-русских военных сил пре-взойдет численностью военные силы «среднеевропейской лиги», *а потому, что Россия в этом случае будет служить все тому же племенному началу, все той же национально-космополитической политике, все тому же обманчивому Протею всеобщего смешения.* Война у нас будет все-таки через славян, через наши права на Болгарию и на Сербию. Война будет с Австрией, положим; но если Германия не догадается вовремя покинуть свою союзницу, а в самом деле вступится за нее, *то она*

пострадает жестоко, как пострадали все те, которые противились племенному потоку. Но и побитая Франция побита будет теперь все-таки не так легко, как в 1870 году. Далеко опередившая Германию на пути гражданского уравнивания, она только что сравнялась с нею в военном отношении. Империя Германская, правда, по гражданскому строю *пока* (до русских над нею побед) *стала*, как я говорил, уже *более похожа* на империю Наполеонов, чем на самое себя, на свое прошедшее; но зато республика Франции в военном отношении *стала теперь более похожа на эту новую Германскую империю*, чем была при своем императоре.

(Еще черта сходства и уравнивания сил!..)

Германия 80-х годов – это нечто вроде Франции 50-х и 60-х годов. Франция 70-х и 80-х годов – *это Германия будущего*, – Германия, безвозвратно побитая славянами, вот и все...

Что же может случиться во Франции после этой борьбы? Допустим даже, что дело выйдет иначе. Допустим, что Франция будет победительницей.

Разве это возможно без временной воен-

ной диктатуры?

Конечно нет. Пример тому 1871 год. Штатский Гамбетта при всей силе своего характера оружием победить не мог – не было единства власти. Якобинская Франция теперь видимо колеблется между диктатурой и анархией. Воспользуется ли диктатор анархией для достижения власти и потом победит немцев, или прежде победит, а потом умиротворит внутренние волнения, во всяком случае можно пророчить, что, и усмиряя, и побеждая, он послужит хоть отчасти все тому же, то есть и внутреннему уравнению, и внешнему сходству, – заграничному международному сближению гражданских идеалов и социальных привычек.

У себя, во Франции, диктатор или даже король непременно вынужден будет сделать что-нибудь для рабочих и для партии коммунистов. В побежденной же Германии (кем бы то ни было, справа, или слева, или с обеих сторон) непременно поднимет голову крайне либеральная партия, общественное мнение обрушится на Бисмарка, на «милитаризм» и повторится здесь история Бонапартов, с тою,

вероятно, разницей, что при старой династии и при въевшейся уже в кровь конституции и не меняя монарха, Германское государство станет только больше похоже на искренно[3] конституционное королевство Людовика Филиппа или современной нам Италии Савойского дома, т. е. сделает сильный шаг к мещанской республике.

Что касается до социализма, так он, говорят, в Германии еще глубже, чем во Франции.

Заметьте еще одно, опять-таки фатальное, стечение обстоятельств для этой передовой Франции, которая первая в Европе ровно сто лет тому назад противопоставила церкви, королю и сословности идею уравнивания и воплощенной в «среднем сословии» нации. У нее в течение этих ста лет были три династии. Где же теперь даровитые представители этих династий?

Кто слышал о талантах и величии графа Парижского (представителя либеральных Орлеанов)? Честный Генрих V, последний из настоящих Бурбонов, скончался почему-то непременно бездетным! (И физиология даже помогает революции!)

Бедного мальчика – Наполеона IV – убили дикие. Это удивительно! Я не говорю: «Зачем он поехал сражаться в Африку?» Это понятно, он хотел отличиться подвигами ввиду будущего трона. Я спрашиваю себя о непонятном: *почему именно он, бедняжка, не попал скоро ногой в стремя и дал время дикому нагнать и заколоть себя, – ведь он, конечно, умел ездить верхом? Почему не случилось того же с другим, с каким-нибудь неизвестным англичанином, а непременно с ним?*

Кто же еще остался из претендентов у Франции? Не старый ли герцог Монпансье, которого мы видели в Москве на коронации? Или два Бонапарта: старый же принц Наполеон – *свободолюбец* не хуже Орлеанов и его несогласный с ним и ничем не отличившийся сын, воображающий, кажется, вдобавок, что в 90-х годах этого века можно идти по стопам Наполеона I; все они непопулярны, это раз; а во-вторых – все они не представляют собою никаких *особых* новых начал, которых приложение не было бы уже и прежде испытано во Франции. Разница между всеми нынешними претендентами только в имени, в

фамильном знамени прошедшего, в звуке пустого предания, *а не в существенном – не в основных социальных принципах*. Всё то же: равенство прав и т. д.; «белый колпак – колпак белый», как выражаются эти самые французы («*bonnet blanc – blanc bonnet!*»).

Великий человек, истинно великий вождь, могучий диктатор или император – во Франции может нынче явиться *только на почве социализма*. Для великого избранного вождя нужна идея хоть сколько-нибудь новая, *в теории уже назревшая, на деле не практикованная, идея выгодная для многих, идея грозная и увлекательная, хотя бы и вовсе гибельная потом*.

На такой и не на иной почве возможен во Франции великий вождь, хотя бы и для кратковременного торжества. *Но чем же это отзовется? Какою ценою купится? И к чему дальнейшему привел бы подобный исторический шаг?*

Не будем больше предсказывать; не будем как потому, что в общих чертах все это математически ясно, так и потому, что частности и подробности, все изгибы и неожиданности

этого пути, ясного по главному направлению, предвидеть никак нельзя. Я скажу здесь только об одной еще возможности: о победе Франции над Италией, все так же прилагая *индуктивно к будущему примеры и поучения прошлого.*

VIII

Признаюсь, мне почему-то, сам не знаю, все кажется, что на этот еще раз войны между Германией и Россией не будет и что сила обстоятельств вынудит Германию пожертвовать Австрией. Мне кажется, что, ввиду все той же таинственной телеологии, довольно сильная Германия еще нужна. А если ее сила еще нужна (хотя бы для того, чтобы пассивно или полупассивно задерживать славянство на пути гибельного, преждевременного и полного объединения), то она не должна так рано следовать убийственному примеру Австрии, Франции и Турции, которые противустали племенному началу открыто и вооруженною рукою (в 1859, 66, 70 и 77 годах). Умри завтра Бисмарк, я бы воскликнул: «Погибла Германия!» Без Бисмарка она не найдет лежащего ей безвредного пути. Но пока Бисмарк жив, инстинкт его призвания, быть может, подучит его не противиться слишком явно и сильно славянскому племенному движению; а задерживать его только понемногу.

Все это так; но предположим даже истин-

но всеобщую войну: Францию и Россию, с одной стороны, «лигу» – с другой.

В таком случае, я уверен, случится вот что: австрийцы и германцы будут побеждены русскими (с помощью французов), французы же будут разбиты германцами, хотя и не так легко, как в 1870 году, и этот лучший противу прежнего отпор облегчит, конечно, русское дело.

Что касается до итальянцев, то они будут французами, я надеюсь, побеждены без особого труда. Французские войска в таком случае могут дойти и до Рима. Что же должно тогда произойти с Италией после подобного разгрома, с демократической, антипапской, но пока еще *кое-как монархической* Италией? Можно ли надеяться хоть в этом случае на серьезную реакцию в пользу церкви?

Нет, нельзя! Идея папства слишком возвышенна; формы католичества слишком изящны и благородны для нашего времени, для века фотографической и телеграфной пошлости.

Если бы на престоле самой Франции сидел Генрих V или если бы был жив молодой Напо-

леон IV, то от них, сообразно с их идеалами и преданиями, можно было бы ожидать хоть попытки восстановить светскую власть папы, которая была столь полезна для его нравственного веса. Но этого нельзя ожидать ни от Сади Карно, ни от Буланже, ни от принцев Орлеанского рода, ни от боковой линии выродившихся Бонапартов.

Как бы не пал скорее в этом случае Савойский дом. Как бы не воцарилась и там такая же якобинская, радикально-либеральная республика! А раз будет и там республика, как бы не уехал вовсе из Рима сам папа, как бы не выжили его! А что это будет значить? Ведь это истинное начало конца, начало 5-го акта европейской трагедии.

Папство связало принципы свои с одним *городом*; с переменой места едва ли в среде самого западного духовенства устоит надолго и самый принцип.

Вот куда привело Европу это псевдонациональное или племенное начало.

Оно привело шаг за шагом к низвержению всех тех устоев, на которых утвердилась и процвела западная цивилизация. *Итак, ясно,*

что политика племенная, обыкновенно называемая национальной, есть не что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастью, стали служить с 1861 года.

В частности, поэтому и для нас политика чисто славянская (искренним православным мистицизмом не исправленная, глубоким отращением к прозаическим формам современной Европы не ожесточенная) – есть политика революционная, космополитическая. И если в самом деле у нас есть в истории какое-нибудь особое, истинно национальное, мало-мальски своеобразное, другими словами – культурное, а не чисто политическое призвание, то мы впредь должны смотреть на панславизм как на дело весьма опасное, если не совсем губительное.

Истинное (то есть культурное, обособляющее нас в быте, духе, учреждениях) славянофильство (или – точнее – культурофильство) должно отныне стать жестоким противником опрометчивого, чисто политического панславизма.

Если славянофилы-культуролобцы не же-

лают повторять *одни только ошибки* Хомякова и Данилевского, если они не хотят удовлетворяться одними только *эмансипационными заблуждениями* своих знаменитых учителей, а намерены *служить их главному, высшему идеалу, то есть национализму настоящему, оригинальному, обособляющему и утверждающему наш дух и бытовые формы наши*, то они должны впредь остерегаться слишком быстрого разрешения *всеславянского вопроса*.

Идея православно-культурного руссизма действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же *во что бы то ни стало* – это *подражание* и больше ничего. Это идеал современно-европейский, *унитарно-либеральный*, это – стремление *быть как все*. Это все та же *общеевропейская революция*.

Нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не *славяноволие* – нужно *славяномыслие, славянотворчество, славяноособие* – вот что нужно теперь!.. Пора образумиться.

Русским в наше время надо, ввиду всего перечисленного мною прежде, стремиться со

страстью к *самобытности* духовной, умственной и бытовой... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам.

Эту мысль, простую и ясную до грубости, но почему-то у нас столь немногим доступную, я бы желал подробнее развить в особом ряде писем: об опасностях панславизма и о средствах предотвратить эти опасности. Не знаю – успею ли.

Я полагаю, что одним из главных этих средств должно быть *по возможности долгое, очень долгое сохранение Австрии, предварительно, конечно, жестоко проученной*.

Воевать с Австрией *желательно; изгнать* ее из Боснии, Герцеговины и вообще из пределов Балканского полуострова *необходимо; но разрушать* ее избави нас Боже. Она до поры до времени (*до православно-культурного возрождения* самой России и восточных единоверцев ее) – драгоценный нам карантин от чехов и других уже *слишком «европейских»* славян. Ясно ли?

Довольно бы... Все существенное сказано, но я хочу прибавить здесь еще несколько

слов об Испании и Румынии, чтобы та картина всеобщего демократического разложения, которую я только что представил вам в предыдущих письмах, была полнее.

В 70-х годах в Испании произошло *реакционное* восстание басков в пользу *Бурбона Дон Карлоса*. Баски бытом своим до сих пор еще не совсем похожи на остальную Испанию. Они *консервативнее*, поэтому-то у них и оказалась еще возможность, нашлось еще побуждение восстать противу тогдашней Испанской республики.

Но и это реакционное движение также не удалось, как не удавалось за последние 30–40 лет все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразие и прежнюю богатую духом разнообразность. Испанская Вандея не удалась, как не удалось полякам их дворянское восстание, как не удалась Наполеону III защита папства, как не удался во Франции позднее государственный переворот в пользу легитимизма^{11} и т. д. Это о басках и Дон Карлосе. Теперь о Румынии. В «доброе, старое время», как говорится, эта Румыния была Молдо-Вала-

хийей. «Молдо-Валахия» – по-моему, это даже звучит гораздо приятнее, важнее, чем «Румыния». Молдавия имела свои оттенки, Валахия – свои. После Крымской войны и молдаване с валахами почувствовали потребность послужить племенной политике. Оба княжества избрали себе впервые одного господаря Кузу, из *среднего круга* (помнится, просто полицеймейстера города Галаца).

Куза *тотчас же демократизовал* эту все-Румынию; он освободил крестьян от давней крепостной зависимости и сокрушил этим прежнюю силу молдо-валашского боярства. Конституция, общая двум княжествам, начала функционировать, как везде, довольно правильно по форме и, конечно, либерально (*разрушительно*) по духу.

И что же? Почти немедленно это либеральное, *национальное* правительство стало закрывать монастыри, разогнало монахов и отобрало издревле пожертвованные этим обителям земли. Тяжесть этой меры падала преимущественно на Греческие Патриархаты и Св. Места, которым были подведомственны («преклонены») эти обители и земли. (Кстати

замечу, русское правительство *хотя и неудачно*, но поддерживало в этом случае Патриархаты, *ибо славянское племя не было тут замешано в дело, как в позднейшем движении болгар*. В болгарском деле мы были *либералами*, мы поддерживали болгар *против Патриарха*, и успех наших славянских питомцев превзошел даже далеко наши желания. В румынском деле «преклоненных» монастырей мы были *охранителями и ничего в пользу Церкви не могли сделать*.)

Сверх того, в Румынии, вскоре после национального объединения, случилось в миниатюре почти то же, что и в Испании в 70-х годах. Вспыхнуло небольшое *охранительное* восстание. К Румынии, по Парижскому трактату, отошла от России часть старых бессарабских болгарских колоний. У них были свои особые местные уставы и привилегии, дарованные им Россией. Они желали сохранить эти свои особенности и – восстали. Демократическое конституционное правительство новой национальной Румынии усмирило их оружием и заставило их *стать как все, уравняло, смешало их с остальным своим населением*.

нием.

Видите, и здесь даже, в небольшом размере, отражается это зарево всемирного демократического и безбожного пожара, которого неосторожными поджигателями являются не всегда только либералы и анархисты, а по роковому стечению обстоятельств нередко и могущественные монархи, подобные Наполеону III и Вильгельму I германскому!

Неужели прав был Прудон, восклицая: «Революция XIX века не родилась из недр той или другой политической секты, она не есть развитие какого-нибудь одного отвлеченного принципа, не есть торжество интересов одной какой-нибудь корпорации или какого-нибудь класса. Революция – это есть неизбежный синтез всех предыдущих движений в религии, философии, политике, социальной экономике и т. д. и т. д. Она существует сама собою, подобно тем элементам, которые в ней сочетались. Она, по правде сказать, приходит не сверху (т. е. не от разных правительств), не снизу (т. е. и не от народа)[4]. Она есть результат истощения принципов, результат противоположных идей, столкновения интересов и

*противоречий политики, антагонизма пред-
рассудков, – одним словом, всего того, что
наиболее заслуживает названия нравствен-
ного и умственного хаоса!»*

*«Сами крайние революционеры (говорит
Прудон в другом месте) испуганы будущим и
готовы отречься от революции; но отринутая
всеми и сирота от рождения, революция мо-
жет приложить к себе слова псалмопевца:
«Мой отец и моя мать меня покинули, но Гос-
подь восприял меня!»{12}*

Неужели же прав Прудон не для одной
только Европы, но и для всего человечества?
Неужели таково в самом деле *позволение* Бо-
жие и для нашей дорогой России?!

Неужели, немного позднее других, и мы с
отчаянием *почувствуем*, что мчимся *беспово-
ротно* по тому же проклятому пути!?..

Неужели еще очень далека та *точка исто-
рического насыщения равенством и свободой*,
о которой я упоминал и после которой в об-
ществах, имеющих еще развиваться и жить,
должен начаться постепенный поворот к но-
вому *расслоению* и органической *разновидно-
сти*?..

Если так, то все погибло!

Неужели ж нет надежд?

Нет, пока есть еще надежда – надежда именно на Россию, на ее современную реакцию, имеющую возможность совпасть с благоприятным для религии и культуры разрешением Восточного вопроса.

Есть признаки не по ослеплению пристрастия, но «рационально» ободрительные!

Но они есть только у нас одних, а на Западе их нет вовсе!

Передо мною книга М. П. Погодина «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856 гг.». Издан этот сборник *четыренадцать* лет тому назад, в 74 году, то есть через *двадцать* лет после Крымской войны. Теперь – скоро 89 год...

Боже! Сколько успехов и сколько разочарований за эти *тридцать лет!* Успехов внешних, успехов политических и сколько разочарований в своем «разночинном» (*смешанном*) обществе, в своем *освобожденном* народе, в югославянах, в их признательности, в их «любви», в самом культурном славизме...

Новые политические друзья; новые враги...

Все изменилось!..

За последние восемь лет – какой всё возрастающий возврат к прежним, вековым русским идеям, но на новой почве, уже разрыхленной европейскими реформами и упорной, до сих пор не умолкающей проповедью либерального прогресса...

Куда мы идем?.. Куда приведет нас неотра-

зимая сила не от нас зависящих общих событий?

Многознаменательная цифра *восемьдесят девять* – для европейской истории за последние века ее... Ровно *два века* тому назад Вильгельм Оранский воцарился в Англии. В 1689 году по изгнании Иакова II был издан так называемый «Bill of rights»{14}. Права национальной Англиканской церкви и все главные основы великобританской конституции были утверждены надолго, после тяжелой вековой борьбы. И у нас в *том же* 89 году – воцарился Петр I. *Сто* (лет) тому назад и все в том же 89 году Франция, объявивши «права человека», придала как бы легальный характер тому процессу разрушения, которому мы все до сих пор и волей, и неволей продолжаем служить, – *освобождая, равняя, смешивая, объединяя, приемами весьма сложными* стремясь к *психическому обеднению человечества* – к идеальному упрощению его в жалком образе «среднего европейца»...

Что готовят нам в грядущем эти *последние года истекающего века*?

Не готовится ли европейское человечество

свести свои последние племенные расчеты для того, чтобы потом еще свободнее прежнего приняться за ту борьбу социально-экономическую, которую, по свидетельству Герцена, Прудон назвал однажды «ликвидацией европейской культуры»?

Не спешит ли вся Европа – и Западная, и Восточная – уничтожить всю прежнюю, веками сложившуюся племенную чересполосность свою, которая, препятствуя окончательной равноправности и окончательному смещению, подавляя одних и непомерно возвышая других, так долго обогащала европейский дух разнообразными и сложными антитезами?

Когда будут везде сглажены последние остатки и религиозных привилегий, и сословной неравноправности, и племенных преобладаний, не встретятся ли тогда, по низвержении всех этих задерживающих преград, лицом к лицу, по пророчеству Карлейля, только два элемента – капиталистический «дендизм»{15} и «голод»?

«Электричество положительное и электричество отрицательное...»{16} – как выражает-

ся этот английский идеалист...

А беспрепятственная встреча их – это *такая* гроза, которой люди, быть может, со времен нашествия варваров на Рим не видали...

Но *прежде* чем встретятся в этом страшном единоборстве капитал (или «дендизм»), ничем идеальным не оправданный, и голодный труд, тоже лишенный всякого идеального представления, необходимо упростить все другие отношения, чтобы они не мешали этой окончательной встрече...

Надо уничтожить скорее в Европе всю ту *чересполосность*, веками сложившуюся, о которой я говорил...

И все готовятся к этому; все этого ждут!

Чувствуется, что все народы сами как бы желают этого взрыва.

Газеты все твердят о мире; но сами пишущие не верят в него.

Все нации друг друга обвиняют в воинственных замыслах, а самих себя выставляют поборниками этого «мира»!..

Говорится: для того чтобы был возможен мир, – *вооружайся.*

Теперь – стараются о мире только для того,

чтобы еще лучше вооружиться!

И не может быть иначе...

Франция *не может* не думать о «реванше», о возврате провинций своих.

Германия *не может* не опасаться этого; *не может* не желать отбить у Франции раз навсегда охоту думать об этом.

Австрия, изгнанная из Германского союза, *не может* не пытаться нового счастья на Востоке, *не может* не желать стать во главе великой югославянской федерации.

Германия *не может* не желать образования на развалинах Турции двух великих славянских держав, обреченных на долгую между собою борьбу.

Италия *не может* не стараться уверить всех, что она в самом деле тоже великая держава; *не может* отказаться от той роли политической проститутки, которую она, цепляясь везде за сильнейших, привыкла играть со времен этого даже и с виду противного Кавура, графа по званию, хама по политическим вкусам своим.

Россия *не может* отказаться от древнего призвания, от своего давнего «Drang nach Sud-

Osten»{17}, за который она пролила столько драгоценной крови своей...

Не болгары, не сербы *там*, не фрачишки афинской «говорильни»... Черт бы их взял совсем, если мы им более не нужны.

Там «Святые Места», там Царьград, Афон, Синай... *Там* близко и Гроб Господень... *Там* еще не угасли вполне – святыя и великия очаги Православия...

Не можем мы отдать всей этой *нашей* Святыни и древних источников Силы нашей – на пожрание мадьярам, жидам и немцам...

Россия, как старый боевой конь, вся вздрагивает при каждом новом шаге Австрии на этих полях, политых нашей кровью...

«Мы сеяли, – она вошла в наш труд»...{18}

Всё ждет только искры одной...

И эта искра вспыхнет... *Где* – мы не знаем, но *знаем*, что вспыхнет...

Слава Богу, что Россию теперь уже не застанет грядущее как глупую деву с угасшим светильником политического разума в руках!.. Слава Богу, что мы разочаровались, наконец, в югославянах и что сентиментальному периоду нашей новейшей истории они са-

ми, эти славяне, положили конец!..

Россия, не отказываясь от них (ибо это тоже невозможно), *подумает прежде всего о себе самой*, сумеет теперь распутать лучше прежнего тот узел, в котором, к несчастью, спутался вопрос *Православно-восточный* (дисциплинирующий) с вопросом *Славяно-племенным* (эмансипационным)...

Иначе и ей *туда же дорога*, куда в наше время все западные нации так неудержимо рвутся и так презренно ползут...

Передо мною книга Погодина...

Боже! Как этот умный человек верил *тогда* (тридцать лет тому назад) в славян! В их *залог*, в их «Шафариков» этих, в их признательность, в их великое и независимое *по духу* от Запада назначение...

Как роптал он на «австрийскую» тогдашнюю политику нашу... Как он на чехов этих рассчитывал...

– Что ж, – скажут мне, – разве он не был прав? Что делает теперь Австрия?

– Австрия, – отвечу я, – *прекрасно делает!* Спасибо ей! Она готовит нам триумф, себе жестокое поражение. И готовит она это в *такое*

время, когда и во внешней политике возможнее прежнего стал для нас тот синтез, о котором я уже говорил: взаимное дополнение идей «николаевских» идеями «аксаковскими», стремлений погодинских – взглядами времен Нессельроде... Это не теория, не «политические фантазии досужего» политикана. Это указания и факты самой жизни.

В конце книги Погодина приложен французский мемуар графа Нессельроде, написанный именно по поводу тех писем и записок Погодина, которые волновали русское общественное мнение во время Крымской (войны).

Мемуар этот ясен и прост в дипломатическом спокойствии своем. Сам Погодин воздал ему должное, говоря: (пропуск в рукописи).

Сущность же доводов гр. Нессельроде в защиту старой политики нашей – следующая:

1) Как ни сильна Россия, она не может действовать всегда, не опираясь ни на кого и (ни) на что во внешней политике своей.

2) Правительство Императора Николая опиралось на монархические и вообще охранительные силы Запада. «На кого же еще бы-

ло опираться нам на Западе? Не на гг. ли Кошута и Мадзини?»

3) И Россия не могла предупредить всех неблагоприятных событий; и она не всемогуща.

«И то правда, – думал Погодин в 74 году, издавая свой сборник, – быть может, было (бы) и еще гораздо хуже, *революция* везде сделала бы слишком большие успехи, если бы *революционеры* не боялись России»...

Мне скажут: «Погодин ослабел, упал духом в ту минуту, когда он уступал устаревшим соображениям Нессельроде. Надо было представить не только Австрию 48 года, но и всю Западную Европу ее судьбе».

Возможно ли такое полное невмешательство?.

Не возвышались (ли) у нас голоса еще недавно, укорявшие правительство 70 года за то, что оно не поддержало Франции и дало образоваться германскому единству?.. Не хвалят ли у нас же теперь действия дипломатии нашей в 75 году за то опять, что она вмешательством своим не дала тогда Германии нанести неоправившейся Франции вторичный

удар?

Если бы мы были по исторической натуре нашей давно уже настолько *отличны* от Европы, насколько Персия Дария и Ксеркса была *отлична* от современных ей греческих республик; или настолько, насколько Китай отличен от мусульманского мира, то и тогда по соседству мы иногда вынуждены бы были *поддерживать* одного и *придерживать* другого. Но при нашей исконной подражательности! При не испытанных *еще у себя, на деле*, в 40-х годах всех «прелестей» либерального прогресса, бессловности и т. д.!

Что бы было, если бы Государь Николай I и его сподвижники (хотя бы и *немецкой* крови) не придержали бы *на время* и везде этого прогресса?..

У нас тогда *все* передовые и умнейшие люди *не правящей части общества* были либералы и *почти* рационалисты (за исключением трех-четырех вовсе тогда *не влиятельных* славянофилов).

Они все были действительно передовыми людьми в том смысле, что *приложение их взглядов к жизни* было *еще впереди*.

И та общая сумма и тягость либеральной подражательности, которая у нас *теперь* на плечах, – велика и страшна; что же было, если бы, например, Николай Павлович в 48 году позволил бы разрушить хоть ту же бы Австрию, которую я сам теперь (сознаюсь!) жду не дождусь увидеть жестоко проученной за наглые дела ее за Дунаем?.. Что было бы?

Ведь мы *естественные ее наследники*, и до *большой части* ее наследства мы *никого иного допустить не можем...*

Но если даже и *теперь* мы имеем и будем иметь столько еще затруднений от славян восточных, единоверных, то что было бы *тогда*, – когда нам пришлось бы поневоле составить сорок лет тому назад нечто вроде конфедерации со славянами западными и мадьярами?

Весь период либеральных увлечений был еще впереди тогда... *Жизнь еще не успела нас разочаровать* ни в равноправности, ни в племенном принципе...

Либеральные увлечения *лучших людей* еще *впереди* и *в то же время* – миллионы только что освобожденных единоплеменников, долго подавленных, привыкших к протек-

сту и интригам; миллионы католиков, протестантов и атеистов, к которым пришлось бы нам быть при преждевременном разрушении Австрии в более тесном общении...

Устояло бы тогда и столь драгоценное всем нам Самодержавие наше? Едва ли!

Примечания

1

Миллиона 4 или 5.

[^^^]

2

Теверино, Лукреция Флориани, Пиччинино,
Даниелла и т. д.

[^^^]

3

Чем искреннее дарована конституция, чем строже выполняются ее параграфы правительством, *тем хуже* для будущего страны – *Авт.*

[^^^]

4

Вернее бы сказать: *и сверху, и снизу.* – *Авт.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

После публикации писем в «Гражданине» в 1888 г. работа К. Н. Леонтьева была издана отдельной брошюрой под заглавием «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1889). Однако, термин «национальная» вызвал ряд недоразумений, неосновательных обвинений автора и споров в печати. Поэтому К. Н. Леонтьев признал, что заглавие было «неудачно, неточно», и впоследствии в названии статьи своей рукой, зачеркнув слово «национальная», надписал «племенная», а сбоку сделал запись: «Или иначе озаглавить: «Культурное обособление и племенная политика».

[^^^]

2

Qui bene distinguit bene medetur (*лат.*) – кто хорошо распознает болезнь, тот хорошо ее лечит.

[^^^]

3

Грамматократия – власть образованных.

[^^^]

4

Легитимистами называют приверженцев свергнутых династий любого государства; ториями – представителей консервативной партии Великобритании, прусскими юнкерами (*junkertum (нем.)* – молодой дворянин) – прослойку немецких дворян, крупных землевладельцев; представителями польской и мадьярской магнатории – знатных людей, крупных феодалов или крупного промышленного и финансового капитала.

[^^^]

5

Фанариоты (букв. – жители Фанара, квартала в Стамбуле с резиденцией греческого патриарха) в Османской империи в XVIII–XIX вв. – представители греческого духовенства и торгово-денежной аристократии.

[^^^]

6

Спор о территориях, принадлежавших Австрии, но населенных преимущественно итальянцами в Триенте, Далмации, Истре.

[^^^]

7

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

[^^^]

8

Работа Алексиса Токвиля называется «Презж-
ний порядок и революция».

[^^^]

9

Coup d'Etat (*франц.*) – переворот.

[^^^]

10

Пс. 2:4.

[^^^]

11

Легитимизм – здесь: монархизм.

[^^^]

12

Пс. 26:10.

[^^^]

13

Глава IX впервые опубликована: К. Н. Леонтьев Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 531–534.

[^^^]

14

«Bill of rights» (*англ.*) – «Билль о правах».

[^^^]

Капиталистическое щегольство.

[^^^]

К. Н. Леонтьев ссылается на книгу английского идеалиста Томаса Карлейля «Sartor resartus» (1834), фрагмент которой Н. Я. Данилевский использовал как эпиграф главы X своей «России и Европы»: «Или, еще лучше, я мог бы назвать их двумя беспредельными и поистине беспримерными электрическими машинами (которые вертятся общественным механизмом) с батареями противоположных свойств; горемычный рабочий класс – батарея отрицательная, дендизм – положительная: одна ежечасно притягивает и присваивает себе все положительное электричество нации (т. е. деньги); другая трудится подобным образом над отрицательным (т. е. над голодом), которое одинаково могущественно. До сих пор вы видите только отдельные, прехо-

дящие искорки; но подождите немного, пока вся нация не очутится в электрическом состоянии, пока все ваше жизненное электричество, перестав быть здорово-нейтральным, не разделится на две разобщенные доли положительного и отрицательного (денег и голода), и они не противостанут друг другу, заключенные в лейденских банках двух мировых батарей! Прикосновение детского пальца приводит их в соединение, и тогда – что тогда? Земля расшибается в неосязаемый прах этим громовым ударом страшного суда, Солнце не досчитывает одной из своих планет, и впредь уже нет более лунных затмений». См.: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 264.*

[^^^]

17

«Drang nach Sud-Osten» (*нем.*) – натиск на юго-восток.

[^^^]

18

Парафраз. Ин 4:38.

[^^^]

[^^^]